

— Нет, это не я, — сказала Цзинь Ло, глядя на Кан Ю. — Поверь мне.

Кан Ю молча смотрел на неё.

Когда Кан Ши поднялся наверх и закрыл дверь, он услышал, как внизу разбилась посуда, и женский плач смешался с этим звуком, создавая шум.

После обеда Кан Ю привёл в его комнату незнакомца.

— Семейный врач.

Красивый и элегантный — таким было первое впечатление о Е Дуне.

Дети, подвергавшиеся домашнему насилию, обычно были угрюмыми, пугливыми и боялись контакта с незнакомыми людьми. К счастью, Е Дун обладал редким терпением.

Но, увидев Кан Ши, он понял, что может опровергнуть свои предыдущие выводы. Всё имеет исключения, и люди — не исключение.

Кан Ю сидел в стороне, пока Е Дун тщательно осматривал Кан Ши с помощью стетоскопа.

— Раз уж я здесь, я возьму немного крови для полного анализа.

Кан Ши не плакал, как обычные дети при виде иглы. Он спокойно кивнул и сам протянул руку.

Е Дун перевязал руку резиновым жгутом, но быстро понял, что что-то не так. Когда он снял жгут, кожа под ним покраснела и опухла. Чувствительность кожи Кан Ши была редкой.

— Это серьёзно? — спросил Кан Ю, заметив, что Е Дун остановился.

— Поверхностные раны, через несколько дней заживут, — ответил Е Дун, отказавшись от идеи взять кровь. Он лишь подумал, что на этот раз Цзинь Ло действительно попала в неприятную ситуацию незаслуженно.

— Нанеси мазь перед тем, как уйти.

Е Дун на мгновение задумался, вспомнив, что у Кан Ю проблемы со зрением, и ответил:

— Хорошо.

...

— На этой неделе не ходи в школу.

— Хорошо, — ответил Кан Ши. Е Дун нанёс мазь, Кан Ю не встал, чтобы проводить его, а лишь поблагодарил и остался с Кан Ши.

Ребёнок, получивший травмы, заслуживал двойной заботы.

Как только Кан Ши высказал желание вернуть трёхслойный шёлковый матрас, Кан Ю сразу же согласился, заменив даже одеяло на шёлковое.

— Кто был сегодняшней гость? — спросил Кан Ши, лёжа в кровати.

— Шан Юн, — ответил Кан Ю.

— Он очень известен?

— Картины Шан Юна стоят целое состояние.

Звучало впечатляюще, но одной только известностью художника нельзя было объяснить такое уважение со стороны Цзинь Ло к молодому человеку, которому не было и двадцати.

— У него, должно быть, хорошая семья.

— Состояние семьи Шан не уступает нашему.

Кан Ши задумался.

— Я хочу учиться у него рисованию.

Кан Ю не сразу ответил, но через некоторое время сказал:

— Многие хотят этого. Шан Юн, хотя и обладает талантом мастера, не берёт учеников. Он не станет учить тех, у кого нет способностей.

Но затем добавил:

— Если ты хочешь попробовать, я что-нибудь придумаю.

«Превращение камня в золото» — одно из четырёх великих искусств королевства, доступное только членам королевской семьи. Чтобы овладеть этим искусством, необходимо обладать невероятной фантазией, а рисование может значительно развить эту способность.

— Твою мачеху я отправлю прочь.

Кан Ши покачал головой.

— Не нужно, мои раны не связаны с ней.

Не связаны, но и не совсем. Брак нельзя легко расторгнуть, особенно когда твоё богатство достигает определённого уровня. Каждое действие становится предметом обсуждения.

Кан Ю протянул руку и погладил его волосы, а затем тихо вздохнул.

— Верно.

Кан Ши почувствовал, что эти слова касались не только Цзинь Ло, но он не мог понять, что именно.

Пока он «выздоровливал» дома, он снова встретил Шан Юна.

На улице было холодно, но он был одет легко. Подойдя к Кан Ши, он принёс с собой холодный воздух.

Шан Юн ничего не сказал, просто развернул перед Кан Ши картину. Это была старая картина, изображающая зелёные горы и воду. На ней был мужчина в длинном плаще, стоящий под деревом и смотрящий вдаль, словно кого-то ждал.

— Десять лет духовной связи без знакомства, лежа в ущелье, ненавижу свою бедность, —

произнёс Шан Юн, глядя на него глубоким взглядом. — Скажи, что означает эта картина, основываясь на этих словах.

Для многих взрослых этот вопрос был бы сложным, не говоря уже о ребёнке.

Кан Ши действительно не понимал.

Шан Юн развернул другую картину.

На двух картинах были изображены разные сезоны. На одной — лето, на другой — зима. На обеих был человек, стоящий под деревом и смотрящий вдаль, но на зимней картине он был одет в тёплую одежду.

Когда две картины положили рядом, создавалось ощущение, что взгляды двух людей встречаются.

Хуай Синь подсказал ему:

— Ключ в духовной связи.

Кан Ши задумался, а затем, подняв глаза, посмотрел на Шан Юна с ясным взглядом.

Шан Юн едва заметно кивнул. Ребёнок был проницателен.

— Говори.

В его голосе звучало поощрение.

Кан Ши серьёзно ответил:

— Духовная связь — это значит иметь кого-то глазами?

Шан Юн холодно ответил:

— Это называется визуальным изнасилованием.

Кан Ши, глядя на картины, спокойно сказал:

— Разве это не всё равно, что иметь кого-то путём умственного труда?

Шан Юн свернул картины и убрал их.

— У тебя нет таланта к рисованию.

Кан Ши удивился.

— Почему ты так думаешь?

Шан Юн объяснил просто:

— Художественных клеток тебе катастрофически не хватает.

Кан Ши ответил:

— Сейчас есть искусственные живые клетки, их можно имплантировать.

Обычный человек, вероятно, не стал бы говорить так прямо, чтобы не задеть чувства ребёнка. Но Шан Юн явно не обладал терпением.

— Чувство искусства врождённое. Я не могу тебя научить.

Кан Ши задумался, а затем сказал:

— Я понял.

Его голос был спокоен. Шан Юн внимательно посмотрел на него, но не увидел никаких эмоций.

— Ты не плачешь? — спросил он. Обычно его встречи с детьми заканчивались их рыданиями.

— Ты критикуешь моего отца, зачем мне плакать?

Шан Юн удивился.

— Когда я критиковал твоего отца?

Кан Ши ответил:

— У него нет художественных клеток, поэтому я не унаследовал их.

— Твой отец обладает сильной способностью к пониманию, — сказал Шан Юн.

Даже он признавал, что Кан Ю был гением. Если бы не его врождённая слепота, он мог бы стать выдающимся мастером.

Кан Ши продолжил:

— Так что ты сомневаешься, что я его сын.

— Возможно, — ответил Шан Юн, уже собравшись уходить.

— Уходишь?

Шан Юн, не поднимая головы, кивнул.

— Да.

— Я пожалею родителей, — медленно произнёс Кан Ши. Хотя он не знал, почему Шан Юн согласился прийти сюда, он был уверен, что это было связано с какой-то сделкой с Кан Ю.

И действительно, хотя лицо Шан Юна оставалось спокойным, его пальцы, держащие свиток, слегка дрогнули.

Хуай Синь выдвинул стул, и Кан Ши сел, сложив руки на столе.

— Теперь мы можем обсудить вопрос моего художественного таланта.

Шан Юн сел напротив него. Один был холоден, другой — спокоен.

— Я обещал твоему отцу провести здесь три часа, — сказал Шан Юн, закрыв глаза, словно погрузившись в медитацию.

Время шло в полной тишине. Через три часа Шан Юн встал, а Кан Ши последовал за ним в кабинет.

В кабинете Шан Юн сразу спросил:

— Где картина?

Кан Ю положил на стол западную картину, изображающую Папу, читающего молитву перед Королём, который слушал с благоговением.

Цвета были яркими, но не навязчивыми. Даже непрофессионал мог понять, что это была выдающаяся работа.

Кан Ши скептически посмотрел на неё. Его пренебрежение было настолько очевидным, что Шан Юн, спустя три часа молчания, снова заговорил:

— Тебе не нравится эта картина?

— Это обман, — ответил Кан Ши.

— Это подлинник.

— Я говорю о содержании. Просто красивая обёртка для обмана невежественных людей.

— Объясни, — с интересом сказал Шан Юн.

— Гиена и благородный снежный волк, живущие в гармонии, разве это не смешно? На картине один сладкоречивый и коварный, другой скрытный и хитрый. Всё это скрыто под красивым фасадом.

Сладкоречивая гиена — это Папа, а скрытный волк — Король.

Шан Юн нахмурился. Неужели он ошибся, и у ребёнка всё же есть талант?

На самом деле, Кан Ши говорил исходя из собственного опыта. Его отец, будучи хитрым и умным, всю жизнь боролся с Папой за власть.

Эта война без оружия шла от церкви до двора, от титулов до трона, пока однажды они не сошлись в постели. Очевидно, эта битва закончилась поражением его отца.

<http://bllate.org/book/16475/1496106>